

С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Огромное и благотворное влияние идей В. И. Ленина, его теоретического наследия на развитие общественных наук в СССР известно. В полной мере это относится и к советской исторической науке, в том числе и к этнографии. Теоретические позиции, завоеванные советской этнографией, принесшие ей признание прогрессивных этнографов всего мира, обязаны научному марксистско-ленинскому мировоззрению, марксистско-ленинскому учению об обществе. Весьма существенным вкладом в теоретический фундамент этнографии явились многие идеи и теоретические положения В. И. Ленина. Этот факт неоднократно отмечался советскими этнографами как в общих, так и специальных работах¹. Мы попытаемся в пределах журнальной статьи кратко рассмотреть хотя бы некоторые проблемы и вопросы, изучаемые советскими этнографами, чтобы показать влияние идейно-теоретического наследия В. И. Ленина на их исследовательскую работу.

В. И. Ленин сложился как зрелый и широкообразованный марксист в весьма молодые годы. Уже тогда, изучив главные труды основоположников марксизма, глубоко овладев марксистской методологией, он выступил с большой теоретической работой «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» (1894 г.). Посвященный характеристике и анализу общественных отношений в России и направленный против субъективного идеализма народников, этот труд содержит блестящую и глубокую характеристику материалистического понимания истории. В нем творчески обоснованы и развиты фундаментальные теоретические положения К. Маркса, составляющие его учение об обществе, ярко показано эпохальное значение марксистской теории для общественной науки.

Отстаивая марксизм от нападок и заблуждений субъективной социологии, В. И. Ленин блестяще показал научное значение главной идеи К. Маркса, заключающейся в том, что развитие истории человечества представляет собой **естественноисторический** процесс, в основе которого лежит развитие общественно-экономических формаций.

«Материализм,— пишет В. И. Ленин,— дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрица-ли субъективисты»².

* В последних номерах журнала «Советская этнография» был опубликован ряд статей, посвященных анализу значения идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советских этнографов (см. 1969, № 6; 1970, №№ 1, 2). В настоящей статье рассматривается значение ленинского наследия в связи с некоторыми проблемами общей этнографии и этнографии народов СССР.

¹ Например: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография» (далее СЭ), 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, СЭ, 1949, № 1; Л. П. Потапов, Ленинская национальная политика в действии, СЭ, 1957, № 5; «Торжество ленинских идей», СЭ, 1960, № 2, и др.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

В. И. Ленин точно сформулировал категорию экономической общественной формации «как совокупности данных производственных отношений» и объяснил, почему развитие этих формаций является естественно-историческим процессом: «...только сведение общественных отношений к производственным,— пишет он,— и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»³.

В. И. Ленин показал величие К. Маркса как ученого, который «положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную основу, установив понятие общественно-экономической формации...»⁴. Ленинская характеристика учения К. Маркса об обществе сохраняет свою силу и в наши дни. Развитие общественных наук лишь подтверждает эту оценку, выдержавшую столь длительное испытание временем.

Советские этнографы широко пользуются в своих конкретных исследованиях идеями В. И. Ленина, изложенными в цитированном труде. Для них является незыблемым решающий вывод В. И. Ленина: «Теперь — со времени появления „Капитала“ — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно также сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее,— до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»⁵.

Для конкретных историко-этнографических исследований марксистская научная категория — общественно-экономическая формация, получившая глубокое теоретическое обоснование в трудах В. И. Ленина, имеет решающее значение⁶. Но наряду с этим для историко-этнографических исследований огромное теоретическое значение имеет и другая научная категория, разработанная В. И. Лениным. Речь пойдет об **общественно-экономическом укладе**. Если учение об общественно-экономической формации дало исследователям возможность «обобщить порядки разных стран в одно основное понятие»⁷, то категория «общественно-экономический уклад», вытекающая из этого учения, позволяет характеризовать и классифицировать более узкую сферу общественных отношений, именно экономические отношения, применительно к системам и порядкам хозяйства в каждой отдельной стране или у каждого отдельно взятого народа.

Владимир Ильич Ленин дал превосходный образец применения этой теоретической категории к анализу экономических отношений России в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.). В своем знаменитом докладе «О продовольственном налоге» (9 апреля 1921 г.) он говорил: «...Присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 139.

⁵ Там же, стр. 139, 140. Подчеркнуто нами.— Авт.

⁶ См. также В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57, 58.

⁷ Там же, т. 1, стр. 137.

полукучевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм. И, если присмотреться, мы должны сказать, что и сейчас в **экономической системе, в экономическом строе** России мы все эти отношения видим»⁸. Отсюда следует, что различные уклады В. И. Ленин определял и характеризовал, исходя из анализа экономических отношений. Говоря, например, о государственном капитализме как особом укладе, В. И. Ленин определял его с точки зрения экономических отношений. Касаясь одного из видов государственного капитализма, именно концессий, В. И. Ленин спрашивает: «Что такое концессия с точки зрения экономических отношений?» И отвечает: «Это есть государственный капитализм»⁹. Данное обстоятельство не менее ясно выступает и в работе В. И. Ленина «О продовольственном налоге», где говорится: «Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918 г., необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось»¹⁰. Учение В. И. Ленина об укладах, которые он часто именует «общественно-экономическими укладами»¹¹, весьма обогатило марксистскую теорию об обществе, основанную на научном понятии социально-экономической формации. Оно дало теоретическую основу для более детальной и конкретной характеристики и классификации экономических отношений, типов хозяйства у изучаемых народов или стран в рамках той или иной формации. Особенное значение оно приобрело при изучении изменений общественного строя в переходные периоды в процессе развития и при смене общественных формаций.

Вооруженные теоретическими и методологическими идеями В. И. Ленина, связанными прежде всего с основными научными категориями марксизма, советские этнографы в сравнительно короткий срок сумели осуществить широкие и разносторонние исследования, обогатившие этнографию многими достижениями. Наша отечественная этнография вышла из стадии, характеризовавшейся господством описательных работ, а советские этнографы заняли видное место в разработке общих теоретических проблем в мировой этнографической науке¹². Научное и практическое значение этнографических работ у нас резко возросло.

Из фундаментальных проблем, исследуемых советской этнографией, связанных с первобытностью, назовем здесь только две. Первая из них относится к научной периодизации первобытного общества, рассматриваемого как первая в истории человечества общественно-экономическая формация. Вторая, тесно связанная с первой, — это теоретическая разработка вопросов происхождения, развития и разложения родовой организации. Уместно напомнить, что изучение родовой организации

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158 (подчеркнуто нами. — Авт.). В данном докладе В. И. Ленин ссылается также на свои выступления в 1918 г., когда он впервые дал анализ экономики России и установил в ней пять укладов. См. там же, т. 36, стр. 296.

⁹ Там же, т. 43, стр. 159.

¹⁰ Там же, стр. 227.

¹¹ В докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. В. И. Ленин назвал эти уклады «элементами хозяйственного строя». См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 279.

¹² Это нашло отражение в серийном издании «Народы мира», М.—Л., 1954—1967, т. I — XIII, первом опыте такой всеобъемлющей публикации в мировой науке. Некоторые тома уже переведены за рубежом. Признание роли и вклада советских этнографов и антропологов в развитие науки в международном масштабе отразилось, между прочим, и в том, что по предложению международной научной общественности VII Международный конгресс этнографов и антропологов состоялся в 1964 г. в Москве.

В. И. Ленин относил «к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего объяснения»¹³.

Советские этнографы придерживаются, в основном, периодизации Ф. Энгельса, построенной преимущественно на выводах исследования Л. Моргана, но обогащенной данными из истории античного мира и весьма существенными коррективами, внесенными Ф. Энгельсом с учетом исследований и высказываний К. Маркса. Ф. Энгельс не считал результаты и выводы исследования Л. Моргана окончательными. Он заявил об этом вполне определенно: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»¹⁴.

В разработке упомянутой периодизации со времени Ф. Энгельса советскими этнографами достигнуты определенные успехи. Некоторые теоретические положения В. И. Ленина оказали особенно плодотворное влияние на уточнение этой периодизации. Прежде всего следует упомянуть высказывание В. И. Ленина о первобытном стаде как объединении формирующихся «первобытных людей»¹⁵. Эта идея помогла осмыслить и обобщить большой и новый палеоантропологический и археологический материал, накопленный мировой наукой за истекшие десятилетия нашего века. Весьма ценной оказалась и мысль В. И. Ленина о родовой коммуне как первой форме человеческого общества, об обуздании зоологического индивидуализма «становящихся» людей и первых «готовых» или сформировавшихся людей первобытным стадом и первобытной коммуной¹⁶.

Мысли В. И. Ленина о ранних этапах становления человека и формирования человеческого общества нашли отражение во всех периодизациях первобытной истории, предложенных советскими этнографами, и получили всеобщее признание в советской этнографии¹⁷. Они вошли в основной ее теоретический фонд.

Среди теоретических вопросов, относящихся к изучению родовой организации первобытного общества, отметим лишь один, принципиальное значение которого весьма велико. Речь идет о взгляде Ф. Энгельса, изложенном им в следующем отрывке из предисловия (1884 г.) к его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собст-

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 28.

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10.

¹⁶ Там же, т. 48, стр. 232.

¹⁷ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1953, № 3; А. И. Першин, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. 54, М.—Л., 1960; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1965, № 5, и др.

вещность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности...»¹⁸

Приведенный широкий и общий взгляд Ф. Энгельса на роль и значение в историческом процессе общественного производства и воспроизводства материальных средств жизни и воспроизводства самого человека, этой основной производительной силы человеческого общества, в свое время встретил и до сих пор встречает сильные нападки противников марксизма. Первым в России открыл огонь критики народник Н. Михайловский, который обрушился на формулировку Ф. Энгельса «производство самого человека». Ухватившись за нее, он выступил с утверждением, будто бы «теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией». Н. Михайловский без обиняков зачислил Ф. Энгельса в теоретики «экономического материализма» и попытался опорочить марксистское учение. «Как бы мы ни ухищрялись над «детопроизводством»,— писал он,— стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни»¹⁹. Вслед за Михайловским выступил известный буржуазный историк Н. И. Кареев с утверждением об изменении взглядов Ф. Энгельса, который якобы сначала основу «материального понимания истории» видел в процессе производства продуктов, но позднее, под влиянием книги Л. Моргана, признал равносильное значение процесса «воспроизведения человеческих поколений»: Поэтому, по Карееву, Энгельс перестал быть «экономическим» материалистом²⁰. С обвинением Ф. Энгельса в измене «экономическому материализму» неоднократно выступал и Г. Кунов²¹. Хорошую отповедь Н. И. Карееву, а частично и Н. Михайловскому дал Г. В. Плеханов²², но, к сожалению, он не опроверг предположения об Энгельсе как об «экономическом материалисте».

Наиболее последовательно подобные взгляды подверглись критике со стороны В. И. Ленина, который не только разбил псевдонаучные рассуждения об «экономическом материализме» Ф. Энгельса, но и укрепил научное обоснование его взглядов. Высмеяв попытки опровергнуть материализм Ф. Энгельса и выделив особо утверждение Н. Михайловского о том, что «детопроизводство — фактор не экономический», В. И. Ленин писал: «Но где читали вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мировоззрение, они называли его просто материализмом»²³. И далее В. И. Ленин ставит саркастический вопрос: «...Уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?»²⁴.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25—26.

¹⁹ Цитируется по работе В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“...». См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 150.

²⁰ «Экономический материализм в истории», «Вестник Европы», август 1894 г.

²¹ В работах «Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft» (1897 г.), «U' Marx'sche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie» (1921 г.).

²² Г. В. Плеханов (Н. Бельтов), К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., 1938, стр. 89—91, 142—143 и др.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

²⁴ Там же, стр. 150.

К сожалению, рецидив обвинений в адрес Ф. Энгельса имел место и в советской литературе. В «Предисловии» к изданию «Конспекта книги Л. Моргана „Древнее общество“», принадлежащего К. Марксу, взгляды Энгельса, о которых речь шла выше, объявлены «неточным, ошибочным утверждением». В «Предисловии» сказано: «Энгельс утверждал, что общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи, обуславливаются, с одной стороны, степенью развития труда, а с другой — семьи. Это положение явно ошибочно, так как семья не может быть поставлена рядом с материальным производством, в качестве **определяющей** причины (подчеркнуто в «Предисловии»). Определяющей причиной общественного развития является способ материального производства»²⁵. В данной характеристике допущено не только непонимание, но даже искажение мысли Энгельса, который утверждал, что определяющим моментом в истории является в конечном счете именно производство. Однако само производство он подразделял на два вида: производство средств к жизни и воспроизводство самого человека, т. е. воспроизводство населения. Последнее Энгельс в одном месте приведенного высказывания назвал обобщенно «семьей». Это, видимо, и послужило «основанием» для обвинения его в теоретическом «грехопадении», невзирая на аргументацию В. И. Ленина, приведенную в полемике с Н. Михайловским в защиту Ф. Энгельса. Согласиться с таким обвинением Ф. Энгельса в ошибочности его взгляда на материалистическое понимание истории невозможно. Во-первых, обусловленность общественных порядков обоими видами производства Энгельс рассматривал исторически. Обусловленность **обоими видами производства** он относил к первобытной эпохе, когда не было ни частной собственности, ни классов, ни государства, а общество покоилось «на родовых объединениях». Что же касается эпохи классового общества, организованного в государство, низшими звеньями которого являются не родовые, а территориальные объединения, то Энгельс утверждал, что в это время «семейный строй полностью подчинен собственности».

Во-вторых, отношения по воспроизводству поколений в первобытную эпоху Энгельс относил к материальным отношениям, как это и показал В. И. Ленин. И в самом деле, на ранней стадии развития, когда человек из биологической особи превратился в социальное существо и стал «общественным человеком», воспроизводство населения того или иного конкретного первобытного общества из простого биологического акта размножения превратилось в форму общественных материальных отношений. Воспроизводились уже не просто биологические особи с их врожденными инстинктами, а мыслящие социальные существа, подвергающиеся общественному воспитанию, усваивающие звуковую речь, как главное средство общения, усваивающие производственный опыт предыдущего поколения, его культуру и быт, вносящие свой вклад в дальнейшее постепенное развитие общества от уже достигнутого уровня. Воспроизводилась, таким образом, основная производительная сила общества. Воспроизведение потомства каждого конкретного родового объединения людей того времени, его сохранение и воспитание имело общественное значение. Дети являлись собственностью рода в целом, носили его имя, пользовались всеми правами и обязанностями его членов от рождения и в силу рождения.

Идеи В. И. Ленина об общественном характере материальных отношений по воспроизводству населения в родовом обществе составляют важный вклад в теорию марксизма о первобытном обществе. Советские этнографы с успехом используют эти положения в конкретной исследовательской работе.

²⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, Л., 1941, стр. IV—V.

Благодаря трудам В. И. Ленина, творчески развивающим многие основные научные положения марксизма об обществе, советские этнографы получили возможность вести свои исследования на более высоком теоретическом уровне. Это обстоятельство проявилось в многочисленных этнографических работах, посвященных конкретному изучению народов СССР.

Потребность в этнографическом изучении многонационального населения СССР выявилась с первых лет Советской власти. Эту работу начали вести как старые этнографические центры, так и новые, о возникновении которых позаботилось молодое Советское государство²⁶. Этнографическое изучение развернулось с большой силой после решений X съезда партии, выдвинувшего ряд практических задач в области строительства социализма у народов СССР, особенно окраинных, различных по языку, происхождению, хозяйству, культуре и быту. Коммунистическая партия, реализуя основные принципы ленинской национальной политики при организации и развитии социалистического строительства, выдвинула задачу учета национальных особенностей классовой структуры, культуры, быта, исторического прошлого каждой народности²⁷. Надо заметить, что идея изучения национального состава населения и учета особенностей его хозяйственного и бытового своеобразие, принадлежит В. И. Ленину. Он ее высказал и обосновал в «Докладе на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками» в сентябре 1913 г., что нашло отражение в резолюции по национальному вопросу, принятой совещанием²⁸. Эти мысли В. И. Ленин развивает и в работе «Критические заметки по национальному вопросу», посвященной изложению принципов и взглядов партии по национальному вопросу, а также критике ошибок, извращений, отступлений от этих принципов²⁹.

Этнографические исследования охватили многие народы бывшей царской России, особенно проживающие на окраинах страны: в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе и др. Сюжеты исследований включали вопросы, учет которых, в соответствии с решениями X съезда партии, был необходим при организации и развитии социалистического строительства у народов СССР. Исследования этнографов давали большой конкретный материал для советских партийных органов, и не только в публикациях, но и в виде докладов, специальных справок, обзоров, записок и т. д. Фактические данные помогали принимать необходимые меры в процессе переустройства жизни различных народов, например, по национальному размежеванию и районированию, созданию органов Советской власти на Севере Сибири, установлению правильных названий народов, созданию письменности и т. д.

Однако этнографические исследования, впервые проводившиеся на основе марксистской методологии, имели не только ценное практическое, но и большое научно-теоретическое значение. Изучая многие отсталые в прошлом народы, хозяйство которых характеризовалось охотой на зверя, рыболовством, оленеводством, кочевым или полукочевым скотоводством, а уровень культуры — отсутствием грамотности, собственной письменности и т. д., этнографы сделали ряд открытий, обогативших современную науку об обществе. Так, у многомиллионного, преимущественно тюркоязычного, населения Средней Азии, Казахстана, Юж-

²⁶ См. об этом: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, СЭ, 1947, № 4; его же, Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР, СЭ, 1956, № 3; Л. П. Потапов, Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу, СЭ, 1960, № 2; его же, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2, и др.

²⁷ «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет», М., 1963, стр. 603, 606—607.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 57—59. В. И. Ленин считал национальный состав населения одним «из важнейших экономических факторов». См. там же, стр. 149.

²⁹ Там же, стр. 115—150.

ного Приуралья и Сибири, сохранившего скотоводческое хозяйство (кочевое или полукочевое типа) и родо-племенное деление, была открыта и изучена сложившаяся исторически с давних времен классовая структура общества, хотя обычно считалось, что эти народы живут родовым строем. Удалось выявить и исследовать весьма специфические формы зависимости и эксплуатации рядовых кочевников местными феодалами, проанализировать феодальный характер и специфику собственности на пастбища и кочевья. Особенности феодальных отношений у кочевников нашли отражение в термине «патриархально-феодальные» отношения. Этот термин фигурирует и в решениях X съезда партии. Сущность его подробно раскрыта на конкретном материале в ряде этнографических работ³⁰.

У народов с охотничьим, рыболовческим и оленеводческим хозяйством этнографы обнаружили далеко зашедшее имущественное неравенство, элементы эксплуататорских отношений (следы патриархального рабства, торгово-ростовщическая эксплуатация и т. д.)³¹. Большой научный интерес представляют изученные этнографами в той или иной степени различные типы общины и временные производственные объединения охотников, рыболовов, оленеводов, кочевников и полукочевников и некоторых групп отсталых земледельцев³².

Указанные выше исследования, разумеется, имели серьезное практическое значение, так как они давали научную основу для классовой политики Советской власти при строительстве социализма у народов с докапиталистическим, классовым общественным строем. Известно, что в

³⁰ С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Изв. Гос. Академии истории материальной культуры» (далее ИГАИМК), вып. 103, М.—Л., 1934; Л. П. Потапов, Общественные отношения у алтайцев, «Историк-марксист», 1940, № 11; В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX века, М., 1956; С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1955; П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930; С. М. Абрамзон, Современное манастество в Киргизии, СЭ, 1931, № 3—4; С. З. Зиманов, Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата, 1958; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6; Е. Н. Студенецкая, К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае в XIX в., СЭ, 1937, № 2—3; Л. И. Лавров, Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII и XIX веках, СЭ, 1948, № 4; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкесск, 1960; Х. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961, и др.

³¹ Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, СЭ, 1936, № 3; В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, в сб. «Сов. этнография», VI—VII, М., 1947; Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII в., «Советский Север», 1939, № 3; В. Г. Богораз-Тан, Классовое расслоение у чукоц, СЭ, 1931, № 1—2; А. М. Золотарев, К вопросу о генезисе классовобразования у гилаков, в сб. «За индустриализацию Советского востока», 1933, № 3; И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукчей, «Уч. зап. ЛГУ», № 115, 61, 1950; Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов, М., 1964, и др.

³² См., например, Н. П. Никулышин, Первобытно-производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939; Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, ТИЭ, т. XIV, 1951; Г. И. Пелих, Территориальные объединения у селькупов Нарымского края, Томск, 1954; С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, «Исторические записки», вып. 14, 1945; С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, ТИЭ, т. 14, 1951; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969; С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев, СЭ, 1959, № 6; О. Л. Вильчевский, Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., СЭ, 1936, № 4—5; В. Ф. Шахматов, Казахская пастбищно-кочевая община, Алма-Ата, 1964; С. М. Абрамзон, Патриархально-общинный уклад и пути его изменения у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР, Доклад на VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (далее VI МКАЭН), М., 1964; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936; А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, ТИЭ, т. 3, вып. 1, М.—Л., 1940, и др.

первые годы после революции, особенно в период коллективизации сельского хозяйства, буржуазные националисты в союзных и автономных республиках и отдельных национальных округах, опираясь на пресловутую теорию «родового строя», отрицали наличие эксплуататорских классов или их элементов у многих народов. Они всячески тормозили проведение политики партии, направленной на ограничение и затем полную ликвидацию эксплуататоров. Развенчание теории «родового строя» и конкретные исследования, характеризующие классовую структуру общества у упомянутых народов, разбивали псевдонаучную аргументацию идеологов феодально-байской верхушки. Надо отметить, что в изучении и анализе классового расслоения у таких народов большую роль сыграл метод классификации хозяйств по обеспеченности их основными средствами производства, предложенный В. И. Лениным в его исследовании «Развитие капитализма в России», где одновременно был подвергнут уничтожающей критике метод средних величин в статистических материалах. У народностей, бывших наиболее отсталыми перед революцией, советскими этнографами изучались пережитки родовой организации, сохранившиеся в условиях классового общества. В конкретных исторических условиях некоторые элементы родовых институтов, конечно, видоизменяясь, приспосабливались к существованию в классовом обществе. Это явление более подробно изучено советскими этнографами у кочевых или полукочевых скотоводческих в прошлом народов, где удалось выяснить причины такого положения. Они двоякого рода. С одной стороны, некоторые родовые традиции и обычаи поддерживались и культивировались среди отсталого населения местными эксплуататорскими классами, так как это помогало им маскировать угнетение трудящихся родовой «взаимопомощью», родовой общественной и политической «солидарностью» и т. д. Царское правительство также поддерживало родо-племенное деление у кочевников в административных целях, ибо при кочевом образе жизни территориальный принцип административного устройства был непригоден. С другой стороны, родовая организация в народном сознании еще часто представлялась как форма самобытной жизни. Сплочение и солидарность рядовых скотоводов на основе родовых связей в некоторой степени облегчало им существование в условиях классового строя и в обстановке колониального угнетения царизмом.

Изучение у многих в прошлом отсталых народов общественного строя, характерного для них накануне Великой Октябрьской социалистической революции, оказало решительное влияние на появление совершенно нового типа историко-этнографических работ, объектом которых стала история народов, зачисляемых обычно буржуазной наукой в разряд неисторических. Изучение истории этих, как правило, бесписьменных или младописьменных народов на основе комплекса источников (этнографических, археологических, антропологических, фольклорных, письменных и т. д.) стало возможным лишь на марксистской идейно-теоретической и методологической базе, огромный вклад в которую внес В. И. Ленин. В этом отношении такие категории, как социально-экономическая формация и уклад общественного хозяйства, являются главным звеном, обеспечившим теоретическое осмысление и обобщение огромного фактического материала, историческую периодизацию и характеристику форм народной культуры и быта. Ленинский принцип историзма стал ведущим и основным в таких исследованиях. В. И. Ленин писал: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»³³.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264.

В результате охвата исследованиями самых различных народов СССР усилиями этнографов (или при их активном участии) появилась большая специальная литература, посвященная истории отдельных народов. Свою научно разработанную историю получили как мелкие, так и более крупные народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья³⁴ и т. д. Ценность таких работ заключается в том, что они дают конкретное представление о сложном и трудном историческом пути развития каждого народа, а также об уровне его социально-экономического развития, с которого начиналось социалистическое переустройство жизни. Но у этих работ есть еще одно достоинство: они служат удовлетворению духовных потребностей тех народов, о которых они написаны.

Известно, что, возрожденные к свободной самостоятельной жизни, отсталые в прошлом народы проявляют глубокий интерес к своему историческому прошлому, к своему происхождению. Опубликованные советскими учеными исследования дают научно разработанные ответы на эти вопросы и имеют большое познавательное значение. Они, разумеется, вносят вклад и в изучение общего хода исторического процесса, протекавшего в течение многих веков на той или иной территории.

Вместе с тем важным направлением в советской этнографии является изучение различных сторон культуры и быта у отдельных народов или у групп народов. Необходимо сказать, что и здесь последовательно проводится принцип историзма, о котором В. И. Ленин говорил в известной лекции «О государстве»: «Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³⁵. Именно последовательное применение принципа историзма в трудах советских этнографов обусловило расширение тематики исследований, охватывающих все народы СССР.

Проделав огромную работу по изучению исторического прошлого советских народов, преимущественно отсталых, этнографы стали изучать процесс формирования социалистической культуры и быта. Теоретической базой этих исследований неизменно служат основные идеи и принципы ленинской национальной политики, включающие учение В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых стран и народов. Выступая с этой идеей на II Конгрессе Коминтерна в июле 1920 г., В. И. Ленин заявил: «...Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...»³⁶

³⁴ См., например, С. А. Токарев, *Очерки истории якутского народа*, М., 1940; «История Бурят-Монгольской АССР», т. I (изд. 2-е), Улан-Удэ, 1954; «История Тувы», т. I, М., 1964; Л. П. Потапов, *Очерки по истории Шории*, Л., 1936; его же, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск, 1948 (второе изд.: М.—Л., 1953); его же, *Очерки по истории и этнографии хакасов*, Абакан, 1952; И. С. Вдовин, *Очерки по истории и этнографии чукчей*, М.—Л., 1967; «История Киргизии», т. I—II, Фрунзе, 1968; «История Туркменской ССР», т. I, Ашхабад, 1957; «История Узбекской ССР», т. I—II, Ташкент, 1955 и 1957; «История Казахской ССР», т. I—II, Алма-Ата, 1957, 1959; «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955; Р. Г. Кузеев, *Очерки истории и этнографии башкир*, Уфа, 1957; «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I, М., 1967, и др.

³⁵ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 39, стр. 67.

³⁶ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 246.

Советские этнографы в своих многочисленных монографиях и статьях показали практическое осуществление ленинской теории о некапиталистическом пути развития в условиях СССР³⁷. Огромный советский опыт преобразования отсталых форм хозяйства, культуры и быта народов в социалистические, с высоким экономическим и культурным уровнем, вызвал большой интерес за рубежом. Этот опыт применительно к некоторым группам народов специально изучается международными организациями (ООН—ЮНЕСКО—МОТ)³⁸.

В ряде обобщающих работ уже подводились итоги многолетних исследований этнографов, изучавших современные народы СССР³⁹. Нам остается лишь кратко остановиться на некоторых направлениях исследований, а также на качественно новых явлениях в этих исследованиях. В этнографическом изучении колхозного крестьянства и сельского населения вообще характерными являются монографии (коллективные и индивидуальные), посвященные быту и культуре населения, основанные на материале как отдельных колхозов⁴⁰, так и целых районов, областей и даже республик⁴¹.

Началось и социологическое изучение сельского населения, которое во многих отношениях обогащает этнографические исследования⁴², возрождая на более высоком уровне подобные работы, публиковавшиеся в 1920-х годах.

Новым явлением следует считать книги, посвященные культуре и быту больших локальных групп крупных социалистических наций, в особенности русской⁴³. Это направление открывает большие возможности для выявления этнографических и национальных особенностей той или иной нации, народности, национальной или этнографической группы, для учета таких факторов, как «местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы», на необходимость изучения которых указывал в свое время В. И. Ленин⁴⁴.

Историко-этнографические монографии, посвященные отдельным народам, а также группам народов, доводятся до современности. Во многих из них современному быту и культуре уделено если не главное, то очень большое внимание. Эти монографии охватывают народы Евро-

³⁷ См. подробнее: М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955; И. С. Вдовин, Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти, СЭ, 1967, № 5; И. С. Гурвич, Осуществление принципов ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера, СЭ, 1969, № 1.

³⁸ Т. А. Жданко, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане, СЭ, 1967, № 4.

³⁹ Л. П. Потапов, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, СЭ, 1967, № 5; Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1; Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Этнографическое изучение сельского и городского населения СССР, в сб. «Социология и идеология», М., 1969.

⁴⁰ См., например, «Культура и быт казахского колхозного аула», Алма-Ата, 1967.

⁴¹ Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, ТИЭ, т. IX, 1960; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.—Л., 1964; О. Ф. Кувеньова, Громадский побут українського селянства, Київ, 1966; «Современное абхазское село», Тбилиси, 1967; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, и др.

⁴² Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968.

⁴³ «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967; Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966; сб. «Вопросы этнографии русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969.

⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

пейской части СССР, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока⁴⁵.

Этнографы ведут и всесторонние исследования культуры и быта рабочего класса как у тех народов, которые имели уже раньше промышленный пролетариат, так и у тех народов, у которых рабочий класс начал формироваться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Это направление исследований также отвечает идеям В. И. Ленина.

Труды этнографов в этой области освещают как общие проблемы изучения советского рабочего класса⁴⁶, так и отдельные стороны жизни рабочих разных национальностей или быт рабочих тех или иных отраслей промышленности. Некоторые работы посвящены монографическому исследованию культуры и быта рабочих отдельных социалистических наций⁴⁷.

Наметилась новая линия, расширяющая прежние рамки изучения рабочего класса: исследование современных городов и рабочих поселков. Институт этнографии АН СССР приступил к изучению культуры современных русских городов⁴⁸. Городское население становится также объектом этносоциологических исследований.

Следует отметить повышение теоретического уровня, совершенствование методики этнографических работ. Все это способствует более глубокому освещению процессов, характеризующих расцвет социалистических наций и народностей, успехи в развитии их хозяйства и национальной культуры. Но общие достижения советских этнографов не должны, конечно, заслонять и некоторых недостатков. К ним можно, в частности, отнести излишнюю описательность многих работ. Слабо еще отражается развитие интернациональных форм культуры и быта. Мы нередко пишем о распространении общесоветских или же городских форм культуры, упуская из виду, что эти формы культуры не лишены национальных особенностей. В. И. Ленин подчеркивал, что «...интернациональная культура не безнациональна»⁴⁹. Изучение интернациональных форм быта и культуры поможет интернациональному воспитанию трудящихся, помо-

⁴⁵ С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961; Р. Г. Кузеев и С. Н. Шитова, Башкиры, Уфа, 1963; В. В. Пименов, Вепсы, М.—Л., 1965; В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964; Л. Т. Шинло, Культура и быт советских дунган, Фрунзе, 1965; А. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966; Т. Ф. Аристов, Курды Закавказья, М., 1966; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966; Е. А. Алексеенко, Кеты, Л., 1967; Б. А. Калоев, Осетины, М., 1967; Ч. М. Таксами, Нивхи, М.—Л., 1967; Э. Г. Гафферберг, Белуджи Туркменской ССР, Л., 1969; К. В. Вяткина, Очерки культуры и быта бурят, Л., 1969.

⁴⁶ В. Ю. Крупянская, К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 11; ее же, Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих СССР, СЭ, 1963, № 4.

⁴⁷ Ф. А. Арипов, Некоторые данные об изучении современного быта рабочих Узбекской ССР, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 2; А. Даниляускас, К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих, СЭ, 1962, № 5; А. С. Морозов, Опыт изучения рабочего класса Казахстана, СЭ, 1962, № 6; В. Т. Зинич, Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України, Київ, 1963; В. В. Пименов, Производственный быт лесорубов Карелии, СЭ, 1963, № 4; К. Мамбеталиева, Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, Фрунзе, 1963; В. А. Чирагадзе, О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи, «Азербайджанский этнографический сборник», № 2, Баку, 1965; Р. Курбангалиева, Некоторые стороны семейного быта рабочих г. Маргилана (опыт этнографического изучения), «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 9; «Этнографическое изучение быта рабочих» (ред. В. Ю. Крупянская), М., 1968; Ш. Аннаклычев, Быт и культура рабочих Туркменистана, Ашхабад, 1969; кроме того, защищены ряд кандидатских диссертаций, посвященных культуре и быту рабочих Украины, Минска, Донбасса, Криворожья, Прикарпатья, Узбекистана, Азербайджана, Татарии и др.

⁴⁸ Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Этнографическое изучение сельского и городского населения СССР, стр. 105.

⁴⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120.

жет сближению наций. Недостаточно лишь фиксировать взаимовлияние культур, необходимо проследить, как это взаимодействие способствует процессу сближения социалистических наций и народностей. Пока вопросы сближения наций и народностей поднимаются преимущественно при исследовании межнациональных браков и национально-смешанных семей. Изучение этих вопросов все более совершенствуется, они обогащаются методикой, используемой в конкретных социологических исследованиях⁵⁰.

Процессы национального развития, национальной консолидации, как и другие этнические процессы, занимают видное место в трудах советских этнографов. Выше уже было отмечено, какое большое значение В. И. Ленин придавал национальному составу населения той или иной страны. Уместно также вспомнить, что, намечая план научной подготовки национально-государственного размежевания Средней Азии, В. И. Ленин особо отметил необходимость составления **этнографической карты**: «Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению»⁵¹.

В этом смысле большая работа советских этнографов по изучению национального состава населения СССР и всего земного шара и подготовке многочисленных этнографических карт является воплощением ленинских идей применительно к нашему времени, насыщенному бурными процессами этнического и национального развития, национально-освободительными движениями⁵².

Этнографы вносят крупный вклад в разработку вопросов развития национальных отношений в нашей стране, участвуя во всесоюзных и региональных совещаниях, конференциях и симпозиумах по этой проблематике.

Появился ряд исследований, характеризующих этнические процессы в различных районах СССР. Среди них следует назвать работы, относящиеся к Прибалтике⁵³, Сибири⁵⁴, Средней Азии и Казахстану⁵⁵ и т. д. Одновременно публикуются и обобщающие, теоретические работы на эту тему⁵⁶. Самая возможность создания таких работ служит показа-

⁵⁰ См., например, С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, СЭ, 1962, № 3; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник, СЭ, 1965, № 5; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии, СЭ, 1967, № 4; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, СЭ, 1969, № 3, и др.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

⁵² См. «Карта расселения племен и народов России и сопредельных стран», Изд. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (далее КИПС АН СССР); «Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР», М., 1933; «Этнографическая карта Сибири», Изд. КИПС АН СССР, Л., 1927; «Численность и расселение народов мира», М., 1962; «Карта народов СССР. Учебная для средней школы», М., 1964; «Атлас народов мира», М., 1964; «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965; Карта «Народы Азии», М., 1968, и др.

⁵³ О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, СЭ, 1965, № 5.

⁵⁴ И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, ТИЭ, т. 89, М., 1968.

⁵⁵ Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, СЭ, 1965, № 6; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959; Р. Ш. Джарылгасинова, К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами, СЭ, 1964, № 3; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории Южной Туркмении (о сближении курдов с туркменами), СЭ, 1965, № 5; А. Алымбаева, К вопросу о сближении народов Киргизии, в кн. «Трудящиеся в борьбе за строительство социализма и коммунизма», Фрунзе, 1966; Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969, и др.

⁵⁶ См., например, Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, СЭ, 1964, № 6; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; его же, Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования), СЭ, 1969, № 2; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, СЭ, 1967, № 5, и др.

телем значительного продвижения вперед в разработке проблемы изучения этнического развития и национальных отношений народов СССР. Интенсивное развитие этих исследований как одного из основных направлений этнографической науки заслуживает всесторонней поддержки. Оно идет в русле идейно-теоретических положений В. И. Ленина по национальному вопросу.

В этой связи следует сказать, что советские этнографы проводили решительную борьбу с попытками извращения ленинской национальной политики и советской действительности, которые предпринимались некоторыми представителями американской буржуазной социологии и этнографии⁵⁷.

Помимо названных направлений в советской этнографической науке особый интерес представляет исследование брачно-семейных отношений у народов СССР, о которых уже упоминалось выше. Идеи В. И. Ленина имели большое значение и для этого направления этнографических исследований.

Развивая взгляды Маркса и Энгельса, В. И. Ленин в ряде своих произведений (и в публичных выступлениях, и в письмах и беседах) неоднократно обращался к вопросам семьи и брака, касаясь и половой морали, и норм коммунистической нравственности. Отмечая зависимость моногамной семьи от породившего ее общественного строя, В. И. Ленин творчески осмыслил положения Маркса применительно к условиям России. В своем замечательном труде «Развитие капитализма в России» он показал, как в результате проникновения капитализма в деревню ослаблялась патриархальность старой крестьянской семьи, как под влиянием отхода в города в некоторых районах возникало более самостоятельное, более равноправное с мужчиной положение женщины⁵⁸.

В письмах В. И. Ленина к Инессе Арманд⁵⁹, как и в опубликованных позднее Кларой Цеткин записях ее бесед с В. И. Лениным, содержится ряд глубоко принципиальных положений В. И. Ленина по вопросам семьи, брака и любви. В. И. Лениным сформулированы важнейшие положения, предопределяющие развитие семьи и брака при социализме и коммунизме. Доказав, что только победа пролетарской революции может обеспечить все необходимые политические и социально-экономические предпосылки для возникновения новой, социалистической семьи, В. И. Ленин наметил и те пути, по которым должно было идти развитие семьи в советском обществе.

Замечания В. И. Ленина относительно общественного значения взаимоотношений между полами, сделанные в ходе этих бесед, имеют неопределимое значение. Он говорил: «Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений (между полами.— *Авт.*) самих по себе, выделенных из общих связей их со всей идеологией... Но важнее всего общественная сторона. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»⁶⁰.

«Новые ценности,— подчеркивал В. И. Ленин,— выкристаллизуются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционируются, революцио-

⁵⁷ См. ответ советских этнографов на статью С. и Э. Данков «Советский режим и национальная политика в Средней Азии (основные народы)», опубликованный вместе с указанной статьей в журнале «Current Anthropology» (1967, June, vol. 8, № 3); а также критическую статью Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупянской, М. Н. Шмелевой «Русское крестьянство в освещении американских этнографов» (СЭ, 1969, № 1) о книге «Крестьянство центральной России» (1967) тех же американских авторов.

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр., соч., т. 3, стр. 578.

⁵⁹ Там же, т. 49, стр. 51, 52, 54—57.

⁶⁰ Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине, М., 1955, стр. 48—49.

низируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит, и обязанностями личности проводятся новые разграничения. Это медленный и часто болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи» (разрядка наша.— Авт.)⁶¹. Приводя слова В. И. Ленина о важности в то время (1920 г.) борьбы за сохранение и укрепление Советской власти, К. Цеткин записала следующую его мысль: «Но у нас впереди еще самая трудная часть нашей задачи — восстановление. В процессе его станут значительными и вопросы отношения полов, вопросы брака и семьи» (разрядка наша.— Авт.)⁶².

Укрепление советской семьи, формирование коммунистической морали было положено в основу политики Коммунистической партии в области семейно-брачных отношений. Огромное значение для выработки правильного взгляда на вопросы коммунистической нравственности имела речь В. И. Ленина на III съезде Коммунистического Союза Молодежи⁶³.

Советские этнографы, социологи и историки всесторонне осветили и продолжают исследовать имеющий огромное историческое значение процесс раскрепощения женщин как в СССР в целом, так и у отдельных народов⁶⁴. В основе этих исследований — ленинские положения. В. И. Ленин полное и действительное освобождение женщин видел в освобождении их от «домашнего рабства» путем перехода к новым общественным формам организации быта. Подчеркивая трудности этого перехода, В. И. Ленин писал: «...Дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»)»⁶⁵. В. И. Ленин отводил огромную роль пробуждению сознания женщин Востока⁶⁶.

Претворение в жизнь подписанных В. И. Лениным декретов о браке, семье, детях привело к коренному изменению положения женщины, которое послужило одной из важных предпосылок для формирования нового типа брачных и семейных отношений. Огромную роль в изменении положения женщин сыграло их массовое вовлечение в производительный труд, ставшее возможным в процессе индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Последствием этого было укрепление экономической самостоятельности женщины в семье, изменение распределения труда в семье и другие преобразования.

Круг вопросов, которые занимают этнографов при изучении современной советской семьи, необычайно широк. Один из важных вопросов, затрагиваемых этнографами, — преобразование форм семьи у народов СССР. Едко высмеивая «доктрину прописей», повторяемую народником Михайловским, В. И. Ленин разоблачал в свое время как чисто буржуазную идею представление об извечности современных форм семьи⁶⁷. На огромном фактическом материале этнографы доказали, что формы семьи развиваются и их развитие находится в зависимости от всей совокупности социально-экономических условий. Исследование пережи-

⁶¹ Там же, стр. 47.

⁶² Там же, стр. 51.

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 298—318.

⁶⁴ См., например, В. Бильшай, Решение женского вопроса в СССР, М., 1956.

⁶⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 369.

⁶⁶ Во многих этнографических и исторических работах, посвященных народам Средней Азии и Казахстана, Кавказа, этому вопросу уделено особое внимание. В частности, эта тема разработана применительно к Узбекистану в трудах М. А. Бикжановой (например, «Семья в колхозах Узбекистана», Ташкент, 1959), ей посвящен ряд статей, относящихся к отдельным областям Узбекистана; см. также: Ж. С. Татыбекова, Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской социалистической революцией (1917—1936 гг.), Фрунзе, 1963; Б. Пальванова, Октябрь и женщины Туркменистана, Ашхабад, 1967; А. И. Гасанова, Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920—1940), Махачкала, 1963.

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 153.

точных форм больших патриархальных семей коснулось как оседлые народы, так и народы, которые вели в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни⁶⁸. Закономерный процесс смены форм семьи подробно изучен как у развитых в прошлом народов (русские, украинцы), так и у народов, в прошлом более отсталых (узбеки, таджики и др.). Изучаются не только формы семьи, но и ее структура и численность в их динамике, причем раскрываются также факторы, влияющие на их изменения⁶⁹.

Хозяйственный уклад семьи, распределение домашнего труда, имущественные отношения в семье, как и вопрос о том, сохраняет ли советская семья функции хозяйственной единицы общества, всесторонне исследовались в различных трудах, посвященных семье; в них показано принципиальное изменение самой хозяйственной структуры советской семьи, в особенности сельской, обусловленное установлением господства социалистической системы хозяйства.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что именно в хозяйственно-бытовой сфере еще не полностью устранены остатки неравноправного положения женщины в быту, о чем со всей определенностью сказано в Программе КПСС. И здесь особенно велика роль советских этнографов, которые должны способствовать борьбе за освобождение женщины от «устарелых форм домашнего хозяйства» (на что многократно указывал еще В. И. Ленин), за ее более активное участие в общественном труде и общественной деятельности.

Неизменный интерес исследователей семейного быта привлекает вопрос о взаимоотношениях между членами семьи — та область семейных отношений, в которой произошли наиболее глубокие изменения. Новое прослеживается и во взаимоотношениях супругов, старшего и младшего поколений, в частности свекрови и невестки, в отношении к детям, в том числе и к взрослым. В целом повсеместно отмечается демократизация внутреннего строя семейной жизни.

Вполне обоснованным следует считать внимание, уделяемое исследователями новому культурному облику советской семьи, а также тем факторам, которые обусловили общий подъем культурного уровня семьи у разных национальностей СССР.

Советские этнографы исследуют многообразные и специфические для многих народов СССР традиции семейного быта, обычаи и обряды. Они имеют возможность наблюдать процесс борьбы с наиболее вредными традициями и пережитками в семейном быту, процесс преодоления некоторых противоречий в семейной жизни.

Большое место в жизни современной семьи занимает целый комплекс социальных и экономических явлений, связанных с заключением брака. Этнографы доказали, что у народов СССР большая часть браков заключается по свободному выбору молодых людей, что отнюдь не исключает участия в решении этих вопросов в той или иной форме старших родственников. Большим достижением советского общества следует считать повышение брачного возраста у тех народов, для которых были характерны ранние браки. Наряду с господствующей формой советского

⁶⁸ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936; А. Н. Кондауров, Патриархальная семейная община и общинные дома у ягнобцев; М. В. Сазонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, «Тр. Хорезмск. экспедиции АН СССР» (далее ТХЭ), I, 1952; С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Кратк. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 28, 1958; Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, т. I, II, Тбилиси, 1960, 1962; М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963; Э. Т. Карапетян, Семейная община и патронимия у армян, Тбилиси, 1967 (автореф. докт. дис.), и др.

⁶⁹ См., например: М. Б. Хитынов, К характеристике изменения численности и структуры семьи у бурят в советский период, «Уч. зап. Бурятск. гос. пед. ин-та», вып. 28, 1967; А. Е. Панян, Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы Советской власти, СЭ, 1968, № 4.

гражданского брака еще встречаются и религиозные обряды, и некоторые пережитки более ранних форм брака. Все исследователи единодушны в своих выводах о том, что материальные соображения при вступлении в брак либо не играют никакой роли, либо им отводится второстепенное место. Это служит одной из предпосылок осуществления того положения Программы КПСС, которое гласит: «Семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы»⁷⁰.

У многих народов еще сохраняется традиционная свадебная обрядность, но в упрощенной форме, причем отмечается сокращение периода самого свадебного цикла. Вместе с тем уже входят в быт новые формы свадебных обычаев, в том числе комсомольско-молодежные свадьбы. Отношение к новым формам свадебной обрядности со стороны самого населения отличается разнообразием.

Тема воспитания детей освещается во многих этнографических исследованиях. Однако характеристика специфических форм семейного воспитания детей иногда подменялась описанием деятельности воспитательных и учебных заведений. Эта сторона жизни семьи — одна из ее главных социальных функций — требует дальнейшего углубленного исследования.

Обильный материал, накопленный советскими этнографами по вопросам становления и укрепления социалистической семьи, формирования новых брачных отношений, несмотря на неравномерность в освещении отдельных вопросов, различия в методике сбора материала, недостаточную глубину некоторых исследований, представляет собой в целом хорошую основу для обобщающих исследований.

Серьезные попытки обобщения процессов, происходящих в семьях народов СССР, имели место уже в 1950-х годах⁷¹. Имеются примеры издания целых сборников, посвященных этой тематике⁷², а также монографических исследований (хотя часто и небольших), трактующих вопросы брака и семьи⁷³.

Труды обобщающего характера появляются в 1960-х годах. Но их авторами являются чаще социологи, чем этнографы. Среди этих трудов одно из первых мест следует отвести глубокому исследованию многих проблем развития брачно-семейных отношений в СССР, принадлежащему перу А. Г. Харчева⁷⁴. Его книгу «Брак и семья в СССР», в которой широко использованы исследования советских этнографов, с известным основанием можно рассматривать как находящуюся на стыке социологии и этнографии, хотя автор, естественно, не имел в виду и не затрагивал ряда специфически этнографических проблем. В том же ряду могут быть названы и некоторые другие работы⁷⁵.

Из обобщающих этнографических исследований следует отметить работу Г. П. Васильевой и Н. А. Кислякова «Вопросы преобразования быта и семьи»⁷⁶. Заслуживают внимания обобщающие характеристики

⁷⁰ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 368.

⁷¹ См., например, П. И. Кушнер, О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье, СЭ, 1956, № 3.

⁷² «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», ТИЭ, т. 77, М., 1962.

⁷³ См., например, А. Х. Магомедов, Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем, Орджоникидзе, 1962.

⁷⁴ А. Г. Харчев, Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования, М., 1964; его же, Быт и семья в социалистическом обществе, Л., 1967; его же, Ленинизм и проблема семейно-брачных отношений, «Философские науки», 1969, № 5.

⁷⁵ Е. Г. Балагушкин, Развитие брачно-семейных отношений в период строительства коммунизма, в сб. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966.

⁷⁶ В кн. «От средневековья к вершинам современного прогресса. Об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму», М., 1965.

брачно-семейных отношений, содержащиеся в томах серии «Народы ра», посвященных народам СССР.

С конца 1950-х—начала 1960-х годов наступило значительное оложение исследований брака и семьи у отдельных народов СССР⁷⁷, а же некоторых частных вопросов семейного быта.

Из широкого круга проблем, связанных с развитием семьи, в последние годы выдвинулись на первый план две острые и сложные взаимосвязанные проблемы. Первая из них — формирование новых, безрелигиозных обычаев и обрядов, отвечающих возросшему сознанию тружеников города и села. Вторая — преодоление религиозно-бытовых и социально-бытовых пережитков прошлого, уходящих своими корнями в глубины отсталого патриархального семейного быта.

Круг этих вопросов был поднят советскими этнографами в специальной журнале⁷⁸. Сама жизнь потребовала ответа на многие из возникших вопросов. Один лишь обстоятельный обзор литературы за 1963—1966 свидетельствует об актуальности поднятых проблем⁷⁹. В этой связи вспоминаются слова В. И. Ленина о значении «переработки самих обычаев, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью»⁸⁰. Большое значение в плане исследования этих вопросов, смена опытом и определения дальнейших путей работы имела созванная в ноябре 1966 г. в Улан-Удэ Научно-практическая конференция⁸¹.

Интерес к этим вопросам не иссякает, им посвящаются книги, статьи, выходят сборники с участием этнографов⁸².

Приведенные данные об исследовании советскими этнографами, историками и социологами круга вопросов, относящихся к современному быту и культуре народов СССР, убеждают в огромной плодотворности непреходящем значении идей В. И. Ленина, чей высокий гений предвидливо намечал контуры будущего, уже наполнившиеся в наши дни живым содержанием.

Широкое изучение современной культуры и быта народов СССР обогатило и международную этнографическую науку новой разнообразной тематикой, которая нашла отражение в этнографических исследованиях ученых стран социалистического содружества.

⁷⁷ См., например: Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков по материалам конца XIX — начала XX века, ТИЭ, т. XLIV, М.—Л., 1959 (заключение посвящено новлению и развитию советской семьи); И. В. Чкония, Семья и семейный быт у хозяйников Грузинской ССР, в сб. «Материалы по этнографии Грузии», XI, Тб., С. М. Абрамзон, Киргизская семья в эпоху социализма, СЭ, 1957, № 5; М. А. Бжанова, Быт современной узбекской колхозной семьи по материалам Ташкентского и Наманганской областей УзССР, «Тр. XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963; О. М. Кравець, Семейний побут звичай українського народу, Київ, 1966; А. Т. Бекмуратова, Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпаков за годы Советской власти, СЭ, 1966, № 3; Д. Е. Кучберия, Брачные семейные отношения у современных абхазов, Тбилиси, 1967 (Автореф. канд. дисс.); Я. Моджеков, Развитие брачно-семейных отношений в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму (по материалам Туркменской ССР), «Изв. АН ТуркменССР, сер. обществ. наук», 1967, № 3, и др.

⁷⁸ Л. Н. Терентьева, Формирование новых обычаев и обрядов в быту хозяйников Латвии, СЭ, 1961, № 2; И. А. Крывелев, О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР, СЭ, 1963, № 6.

⁷⁹ Л. М. Сабурова, Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. (Основные вопросы и тенденции изучения), СЭ, 1967, № 5.

⁸⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 107. Разрядка наша.— Авт.

⁸¹ «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири», Тезисы докладов Научно-практической конференции, вып. 1—3, Улан-Удэ, 1966.

⁸² См. сб. «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1967.

THE ROLE OF V. I. LENIN'S THEORETICAL LEGACY IN SOVIET ETHNOGRAPHY

The development of Soviet ethnographical science is inseparably linked with an extensive utilization of the theoretical legacy of V. I. Lenin. The authors examine both the methodological and the purely theoretical aspects of a number of works by V. I. Lenin's in application to the activities of Soviet ethnographers.

Close attention is given to the role for ethnography of two fundamental categories of Marxism-Leninism: that of the social-economic formation (stage of development) set forth by K. Marx and creatively elaborated by V. I. Lenin; and that of the social-economic structures within the formation discovered by V. I. Lenin. The implementation of these categories in concrete ethnographic research has borne fruitful results: it has called to life a whole series of historical-ethnographical books and monographs in which problems of the social system and of the history of many peoples of the U. S. S. R. are examined for the first time, especially that of formerly backward and illiterate peoples. The direct and positive influence of V. I. Lenin's theoretical ideas is also shown on various problems relating to the study of primitive society (the periodization of primitive society, problems of the origin and evolution of the gens organization etc.). A large part of the article is devoted to an examination of concrete ethnographic research work in the U. S. S. R. in the field of studying socialist culture and everyday life. Recent years were marked by continuing studies of the kolkhoz peasantry and the working class among the peoples of the U. S. S. R. Sociological research of rural and urban population has begun; works have appeared devoted to the culture and everyday life of large local groups within the great socialist nations. The study of national evolution and ethnic processes has become an important branch of research; a prominent place is taken by the study of the national composition of the U. S. S. R. and of the whole world. Among many other branches of research particular interest is evoked by the study of marriage and family life among the peoples of the U. S. S. R. The course of the emancipation of women, especially in the eastern republics of the Soviet Union, the transformation of the family structure, of its economic life, of the relationships between family members, the cultural aspect of the family, forms of marriage, wedding rituals etc. have become objects of study. Generalized works on this problem have appeared. Particular attention is being given to problems of overcoming the vestiges of the past in present-day life and consciousness of the people and of forming new customs, rituals and traditions among the peoples of the U. S. S. R.
